Коррида на раздевание

Автор:
Дарья Донцова

Коррида на раздевание

Дарья Аркадьевна Донцова

Евлампия Романова. Следствие ведет дилетант #45Иронический детектив (Эксмо)

Это прямо индийское кино какое-то! Никогда не поверишь, что такое может случиться в реальной жизни. Живет себе бывший детдомовец Афанасий Рыбаков, учится, делает блестящую карьеру, строит планы на будущее, и вдруг – бац! Откуда ни возьмись объявляется его мамочка, Алевтина Кирпичникова, которая в доказательство родственных уз демонстрирует на своем животе родимое пятно в виде пчелки. Пятно, надо признать, точь-в-точь такое же, как на животе у самого Афанасия. Вроде надо радоваться, мать и сын нашли друг друга! Ан нет, что-то настораживает Рыбакова и заставляет его обратиться за помощью к детективам Евлампии Романовой и Максу Вульфу. Лампа приезжает в дом семьи Кирпичниковых, чтобы побеседовать с домочадцами и развеять сомнения молодого человека. Но там она становится свидетельницей внезапной и очень странной смерти Афанасия. Все признаки указывают на то, что Рыбакова отравили. Это уже не индийское кино, а настоящий английский детектив! Голова идет кругом! А тут еще Лампа где-то потеряла младенца, которого ее дочка Киса должна сдать в школу…

Дарья Аркадьевна Донцова

Коррида на раздевание

© Донцова Д.А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

«Килограммы, которые вы сбросили в фитнес-зале, не заплакали от разлуки, они быстро помчались к хозяйке на кухню и спрятались в холодильнике».

– Нет, нет, – сказал худощавый мужчина в голубой кепке. – Кто придумал этот текст? Мне такая фраза в рекламном видео не нужна.

Все, кто находился в комнате, замерли.

– Афанасий Сергеевич, что вам не нравится? – осторожно спросил парень, который, несмотря на теплый день, облачился в темно-коричневый шерстяной костюм, жилетку и повязал галстук.

Мужчина в голубой кепке стукнул кулаком по столику на колесах, который стоял около его кресла. Стол откатился к стене, ударился о нее, чашка, сахарница, молочник и вазочка с печеньем оказались на полу.

– Текст неправильный, – по-прежнему не повышая голоса, объяснил он, – и, Вадим, во-первых, я – Константинович. А во-вторых, просто – Афанасий!

– Да, да, конечно, – смутился юноша, – я не хотел вас обидеть… э… ну…

– Не первый раз предупреждаю насчет отчества, – журчал Афанасий, – оно мне конкретно не нравится, и, Вадим, я объяснял причину. Я воспитывался в детдоме, к двери которого меня подбросила мать. Ее имя мне неведомо. А может, и не она меня на ступеньки положила. И про папашу я никогда не слышал! Константиновичем стал потому, что так решила директор приюта. Афанасий Константинович! Не выговоришь сразу, предварительно потренироваться нужно. Трудное словосочетание. Неудобное. А если человек

ломает язык, пытаясь с вами поздороваться, то он нервничает, и отношения не складываются. Понятно объяснил?

– Да, Афанасий Сергеевич, – ответил парень.

Мужик закатил глаза.

– Боже, пошли мне терпения. Опять «Сергеевич»! Увы, я работаю с теми, кто есть. Приведите сюда автора незабываемой фразы про килограммы и холодильник.

Юноша стал пятиться и наступил на серую кошку, которая мирно спала на ковре. Киса испугалась, издала утробный звук, вцепилась когтями в брюки неловкого парня и повисла на них.

Вадим замер.

– Эразм Попандополович, подергайте ногой, Брита свалится, – посоветовал хозяин.

– Кто брит? – прошептал бедолага. – Ну, да, я брился с утра.

Афанасий криво усмехнулся.

– Эразм Попандополович, Бритой зовут кису. Лично я уже не надеюсь, что вы запомните мое отчество, перестанете величать меня «Сергеевичем» и будете обращаться ко мне так, как я неоднократно просил, просто по имени. Но я не стану шипеть, царапаться, кусаться, просто откажусь от ваших услуг. А Брита использует другие методы! Я не всегда одобряю поведение кошки, но в данном случае она, напав на человека, права. Вы на нее наступили, испугали.

– Совершенно случайно, – начал оправдываться парень.

– Хорошо, что не было злого умысла, – протянул хозяин, – но, Эразм Попандополович, если без желания убить Эразма Попандополовича, на вас свалится с десятого этажа чугунная гиря, что случится с Эразмом Попандополовичем после того, как она Эразму Попандополовичу на темечко

ухнется?

Вадим потер макушку.

– Ну… ничего хорошего.

– Когда Эразма Попандополовича повезут на кладбище, будет ли для него иметь значение, что у гири не было злого умысла? – не утихал Афанасий.

– Он умер, – вздохнул парень, – ему все равно.

– Вот и Брите фиолетово, что у вас не было желания ее ранить, – хмыкнул Афанасий.

– Ранить? – испуганно повторил парень. – Где?

– Не видите кровь? – прищурился хозяин кошки.

– Нет, – жалобно признался Вадим.

– Хорошо. Просто отлично.

– Почему? – окончательно растерялся молодой человек.

– Потому что ее там нет, – объяснил Афанасий. – Ступайте, Эразм Попандополович. Да не забудьте, куда идете. Помните задание? Я велел вам принести паштет из птицы киви.

Юноша улетел, как комок пыли, сдутый сквозняком.

– Афанасий, его зовут Вадим, – прочирикала девушка в розово-голубом платье с широкой юбкой.

– Знаю, – кивнул тот.

– Почему тогда ты обращаешься к нему Эразм Попандополович?

– А потому, что он меня упорно называет Афанасием Сергеевичем, – развеселился ее собеседник. – Он заковыристо выражается, а я ему в ответ с подвывертом.

Я молча слушала беседу. Афанасий Константинович Рыбаков появился в офисе Макса неделю назад, приехал один, не был скандальным, эпатажным, вежливо попросил:

– Можете проверить кое-каких людей?

– Конечно, – ответил Макс. – Речь идет о ваших сотрудниках? Подозреваете, что они предоставили поддельные характеристики? Замешаны в чем-то неблаговидном?

– Нет, – поморщился Рыбаков, – надо дотошно изучить мать, отца, брата, сестру.

– Вы решили жениться, – улыбнулся Макс, – нет проблем.

– Играть свадьбу? – поморщился Афанасий. – Да никогда. Не желаю изгадить свою жизнь. Необходима проверка моих родных.

Макс слышал от клиентов много всякого, он давно ничему не удивляется, но слова Рыбакова моего мужа поразили.

– Проверка данных близких родственников? Вы же их хорошо знаете.

Афанасий провел ладонью по волосам.

– Нет, я с ними не так давно познакомился.

– С родной матерью? – не выдержала я.

– Звучит странно, а по сути обычно, – вздохнул Афанасий и рассказал свою биографию.

Рыбаков родился двадцать девятого февраля. Но это все, что ему известно. Далее сплошные вопросы. Кто мать Афанасия? Отец? Есть ли у него братья, сестры? По какой причине совершенно здорового мальчика без всяких физических уродств и недугов подкинули на порог дома малютки? Ответов на эти вопросы нет. Ребенка заботливо завернули в несколько теплых одеял, хорошо одели, снабдили соской. Тот, кто избавился от крошки, не хотел причинить младенцу вреда. Когда директор приюта развернула кулек, она обнаружила записку, напечатанную на машинке: «Мальчик. Афанасий. 3,520. 29 февраля». Конечно, директор сообщила в милицию, но найти роженицу было невозможно. Все бирки с вещей малыша срезали, пеленку, одеяло, шапочку купили в «Детском мире», но в советские годы там не было богатого выбора. Все новорожденные московские мальчики были завернуты в голубые клетчатые одеяла из байки, девочки в розовые. Мать-кукушку не нашли.

Афанасий рос послушным, вполне симпатичным внешне. Оставалось лишь удивляться, почему никто из приемных родителей не забрал ребенка, когда тот еще не умел разговаривать. В дома малютки редко попадают совершенно здоровые дети. Как правило, от наследников отказываются женщины легкого поведения, алкоголички, наркоманки, малолетние. К сожалению, у них часто рождаются больные дети, и таких в приюте было много. Но вот странность, недужных забирали, а на хорошенького крепкого Афанасия никто не обращал внимания.

Спустя время Рыбакова перевели в интернат. В четыре года он бойко декламировал стихи, в пять сам научился считать, в шесть, видя тягу мальчика к знаниям, его отдали в первый класс. Афанасий был покладистым, не плакал по каждому поводу, не злился, не завидовал, отлично учился, много занимался спортом. Но потенциальные родители равнодушно перелистывали в альбоме страницу с его фотографией. В тринадцать лет Афанасий понял: ему не найти семью. Он давно жил в приюте и прекрасно знал: шансы стать чьим-то сыном резко уменьшаются с возрастом. Младенца в пеленках, малыша, который делает первые шаги, двухлетку, едва лепечущего слова, – их возьмут охотно. Надежда обрести родителей есть у первоклассника. А вот тем, кто вступил в подростковый возраст, не стоит мечтать об ужинах с мамой-папой-бабушкой.

Когда Афанасию исполнилось четырнадцать, в интернат приехала уже немолодая семейная пара Фотовых: Игорь и Анна. Муж рассказал директрисе, что их с женой сын случайно погиб, провалился на улице в люк, который забыли закрыть рабочие. Несколько лет родители оплакивали подростка, они не

собирались заменять его сиротой из приюта. Но пару дней тому назад в больницу, где работал хирургом безутешный отец, привели мальчика. Игорь обомлел. Школьник как близнец походил на погибшего Никиту. Внешность, голос, манера щурить глаза при стопроцентном зрении, спокойный характер…

– Что с тобой случилось? – боясь потерять самообладание, поинтересовался доктор.

– Я занимаюсь спортивной гимнастикой, – пояснил мальчик, – на тренировке упал с колец, головой тюкнулся. На полу лежали маты, сейчас у меня уже ничего не болит, но тренер испугался.

Покойный Никита тоже по мистическому совпадению занимался спортивной гимнастикой. Фотов испугался, что потеряет сознание, перед ним сидел его покойный сын. Живой.

Глава 2

Найти детдом, в котором жил Афанасий, оказалось просто. Следующую неделю Игорь и Аня исподтишка следили за мальчиком, наблюдали, как он идет в школу, бегает с другими детьми, и все больше убеждались, что видят родного сына. Решив забрать паренька, Фотовы прикатили в интернат, но, понимая, что о воскрешении Никиты говорить не стоит, их сочтут сумасшедшими, просто попросили директрису познакомить их с мальчиками-подростками. Ангелина Борисовна протянула им альбом.

– Сначала на внешность гляньте, затем биографию почитайте, меддокументы посмотрите.

Афанасий, конечно же, ничего не знал о происходящем. Мальчик был немало удивлен, когда в спортзал, где он занимался, влетел вроде знакомый мужчина и закричал:

– Аня, вот он!

Вслед за ним вбежала полная женщина и разрыдалась:

– Никита, ты вернулся.

Афанасий не успел опомниться, как незнакомка кинулась его обнимать. Мальчик начал отбиваться, тренер Юра бросился ему на помощь. С теткой приключилась истерика, ее муж тоже зарыдал. Юра понял: происходит нечто странное, отпустил всех детей, оставил одного Афанасия и стал расспрашивать незнакомцев. Игорь вынул из сумки фото и положил его на стол.

– Кто это?

– Фася, – удивился тренер, назвав мальчика так, как к нему обращались друзья.

Рыбаков сразу узнал себя.

– Это я. Точь-в-точь такой снимок в школе на доске почета висит.

– Нет, – возразила, всхлипывая, Анна, – перед вами Никита, наш погибший несколько лет назад сын. Детка, как давно ты в интернате?

– С рождения, – ответил мальчик, – я подкидыш. Найден на ступеньках дома малютки.

– Нет, нет, – заломила руки Фотова, – я не могу ошибаться. Ты Никита.

– Глупо приезжать в спортивный центр и кидаться на ребенка, – рассердился Юра. – Не спорю, пацан на фото и Фася прямо одно лицо. Но Рыбаков точно из детдома. Вам туда надо, к директрисе.

– Мы ходили к ней, – пояснил Игорь, – Ангелина Борисовна рассказала нам о тех, кого можно забрать. Про Афанасия сначала даже не упомянула. Когда мы назвали фамилию и имя, она заявила: мальчик не подлежит усыновлению.

– Почему? – удивился Афанасий.

– По словам местной начальницы, у Рыбакова есть родители, он не отказной, отдан в детдом временно, – объяснила Анна.

Афанасий разинул рот и повторил:

– Родители?

– Она так сказала, – заплакала Анна, – но я же вижу, ты Никита! Мой! Живой! Мы с папой узнали, где ты тренируешься, и пришли, чтобы тебя обнять!

Вернувшись в детдом, Афанасий прямиком направился к директрисе, сообщил ей, что случилось на тренировке, и прямо спросил:

– У меня есть отец и мать?

– Извини, милый, ты подкидыш, – вздохнула Ангелина, – хотя, конечно, у каждого человека есть родители. Иначе как он на свет появился?

– Почему моего фото нет в альбоме? – возмутился Фася.

Ангелина достала из шкафа толстый том, перелистнула страницы.

– Вот оно!

Подросток пришел в недоумение.

– Но Фотовы сказали…

– Они не только мое наказание, их во многих детдомах знают, – махнула рукой Ангелина. – Фотовы говорили тебе, когда погиб Никита?

– Года два-три назад вроде, – без особой уверенности ответил мальчик, – как-то так.

– Сюда они уже давно ходят, – грустно объяснила Ангелина, – сначала я им поверила. Привела подростка, о котором пара сказала, что он вылитый их

Никита, это случилось лет десять-двенадцать назад. Ой, нет смысла тебе все рассказывать. Фотовы психиатрические больные, не агрессивные, тихие. Детей у них никогда не было, на этой почве они умом и тронулись. Два раза в год, осенью-весной, у них случается обострение. Муж с женой начинают ходить по школам, снимают чью-то фотографию с доски почета. Твоя же там висела?

– Да, – согласился Афанасий, – лучший ученик месяца. Я ни одной четверки не получил за это время, только пятерки.

Ангелина убрала альбом.

– Потом они со снимком несутся к классному руководителю мальчика, рассказывают про бедного Никиту и ученика, его близнеца. Если у мальчика есть мама-папа-бабушка-дедушка, Фотовы к ним со своей сказкой не спешат. Головы у них больные, да они понимают: их взашей выгонят. Но иногда ребенок оказывается из интерната. Ненормальные дважды в одну школу не заглядывают, а вот в приюты многократно заруливают, их там прекрасно знают. Наша Наталья Ивановна, секретарь, увидела, как пара входит в приемную, заметила, что у Игоря в руках твой снимок, и предложила больным пять минут посидеть у двери. А сама поспешила в мой кабинет и предупредила меня. Я быстро твой снимок спрятала. Остальное ты уже знаешь. Извини, дорогой, я полагала, что на этом история закончится. До сих пор они утихали, услышав про то, что «их» мальчика нет. А с тобой вон как получилось! Ступай в столовую, баба Катя даст тебе пирожков. Понимаю, тебе обидно, но прости Фотовых, пожалей их, они не здоровые люди. И мой тебе совет: не ищи родню.

– Почему? – нахохлился Афанасий.

– Неизвестно, кого найдешь, – пояснила Ангелина Борисовна. – Хорошая мать ребенка никогда не бросит.

– Понимаю, – по-взрослому ответил паренек. – Но вдруг мама во мне нуждается? Вдруг ей плохо? И, возможно, она раскаивается, что бросила меня.

Ангелина встала.

– Фася, ты хороший мальчик, умный, но жизненного опыта не имеешь. А у меня он есть. Печальный. Почти все воспитанники-подкидыши, которые нашли своих

родных, потом горько пожалели о знакомстве с ними. Родители часто оказывались уголовниками, наркоманами, пьяницами. Мерзавцы в свое время не захотели ребенка воспитывать, зарабатывать ему на хлеб и суп, одевать, обувать, учить. А когда мальчик или девочка взрослыми к ним пришли, вот тут лились сопли, слезы радости. Думаешь, подонки ликовали, что увидели свою плоть и кровь? Не смеши! Они знали: воспитанник детдома получил от государства жилье. И дураком из интерната не выпустят, выучат, хорошую профессию дадут. Отбросы общества понимают: у них появился кормилец. Чихнуть не успеешь, как маргиналы тебе на шею сядут, запрягут и поедут с песней.

Директриса открыла сейф.

– Я не имею права тебе личное дело показывать, но ты умный, болтать направо и налево не станешь. Вот, смотри.

Перед Афанасием на стол легла папка.

– Изучи внимательно, – велела Ангелина, – рассмотри фото одеяла, пеленок, корзинки, соски, себя самого в возрасте нескольких дней. Снимки милиция делала. Следователь очень хороший делом занимался. Кстати! Он жив-здоров, до сих пор работает, Ступенькин Прохор Сергеевич. Дам тебе его служебный телефон, он расскажет, как тебя взял на руки, а ты его опрудил.

Афанасий молча пролистал папку, добрался до анкеты. «Мальчик. Дата рождения – 29 февраля (предположительно). Имя – Афанасий (предположительно). Отчество – неизвестно. Мать – неизвестна. Отец – неизвестен. Медучреждение, откуда поступил в дом малютки, – неизвестно. Справка о рождении – отсутствует. Вес – 3,520. Рост – 51 см (обмер и взвешивание сделано медсестрой Ивановой в доме малютки). Первичный осмотр педиатром в роддоме – данные отсутствуют».

Афанасий закрыл папку.

– Сейчас отыщу телефон Ступенькина, – пообещала Ангелина.

– Не надо, – отмахнулся подросток, – он же обо мне ничего, как и вы, не знает.

Директриса обняла мальчика.

– Афанасий! У тебя не очень радостное детство. Как я ни стараюсь, но в интернате настоящую домашнюю обстановку не создашь. Вас кормят, поят, одевают, не обижают, не бьют, поверь, не везде так. Но мамой я каждому стать не могу и воспитатели тоже, у нас дома свои дети есть. Не стану врать, я сына-троечника люблю больше, но прекрасно отношусь и к тебе. Выслушай меня внимательно. Золотую медаль, о которой ты мечтаешь, не получишь. Их на каждую школу определенное количество выделяют. Понятное дело, желанная награда сироте без роду-племени не достанется. И в институт без блата трудно пролезть. У тебя один путь – спорт. Получи звание мастера, и любой вуз тебя принять за счастье сочтет. Забудь про все. Выкинь из головы мысли о родной семье. Тебе ее никогда не найти. Утром школа, потом спортивный зал. Квартиру, которая тебе положена, я выбью. Обещаю.

Глава 3

Рыбаков окончил школу с одной четверкой по истории. Выпускник не расстроился, он понимал, что учительница, которая не поставила ему «отлично», просто выполняла приказ начальства: завалить детдомовца, который шел на золотую медаль. У Рыбакова было много блестящих кубков за победы в соревнованиях. В институт физкультуры на отделение, где готовили специалистов по реабилитации, мастер спорта, чемпион, почти круглый отличник, поступил играючи. Серьезного студента, который посещал все семинары, лекции, активно отвечал, всегда имел аккуратные конспекты, не пил, не курил и явно хотел как можно лучше овладеть профессией, педагоги заметили еще на первом курсе.

Ни одной четверки за все сессии, аспирантура, защита кандидатской. Молодого ученого научный руководитель, академик, взял под свое крыло, устроил его на работу. Впереди расстилалась широкая дорога к докторской диссертации, профессорской должности, заведыванию кафедрой. И вдруг! Афанасий ушел из НИИ, где его считали звездой, и… открыл свой фитнес-клуб.

Научный руководитель приехал посмотреть на бизнес ученика и очень расстроился.

– Фася! Откуда эта дурь? Две комнаты в подвале! Какие-то непонятные тренажеры, их словно на коленке сделали!

– Примерно так и было, Наум Моисеевич, – согласился Афанасий, – один мастер их по моим чертежам соорудил. Я придумал гимнастику. Новый вид.

– Что? – засмеялся академик.

– Диейогетика, – пояснил Фася.

– Зверь страшный, – хмыкнул Наум Моисеевич, – не выговоришь.

– Диета, плюс йога, плюс акробатика, – выпалил Рыбаков.

– Сон разума рождает чудовищ, – буркнул научный руководитель. – Где деньги взял?

– Квартиру продал, – весело сообщил кандидат наук.

– Идиот! – не сдержался Наум Моисеевич. – Кретин! Почему не посоветовался с умным человеком? Со мной? Где ты сейчас живешь?

– Комнату снял, – пояснил парень. – А у вас спина болит!

– Экий секрет, – поморщился академик, – она у всех в моем возрасте кукарачу пляшет.

– Слабые мышцы плюс лишний вес, – поставил диагноз Афанасий, – сидячий образ жизни, жрательно-телевизионный отдых. Хотите я из вас за три месяца огурец сделаю?

– Позеленею и покроюсь пупырьями? – засмеялся Наум Моисеевич.

– И хвостик зацветет, – пообещал бывший аспирант.

– Заманчивое предложение, – развеселился академик, – насчет хвостика.

– Ни копейки не возьму, – продолжал Афанасий.

– Любезный, это я, если на такую глупость соглашусь, с тебя ни копейки не возьму, – хмыкнул Наум Моисеевич.

– Хоть попробуйте, – взмолился Рыбаков, – вот сюда лечь надо.

– О-хо-хо, грехи мои тяжкие, – прокряхтел профессор, укладываясь на топчан. – Кто мне объяснит, почему я решил тебе подчиниться? Прямо дыба тут.

Через пятнадцать минут Наум Моисеевич встал и удивился:

– Поясница не ноет.

– Я же обещал! – обрадовался владелец фитнеса.

Спустя четыре месяца друзья и коллеги стали спрашивать академика:

– Вы молодильные яблочки едите?

– Фитнесом занимаюсь, – смеялся тот, – сбросил десять кило, спина как новая. Могу дать адрес.

Прошло два года. Афанасий переехал из подвала в трехэтажное здание, нанял тренеров, диетологов. Диейогетику он, по совету Наума Моисеевича, переименовал в дигетику. От клиентов отбоя не было. Народ худел, стройнел, обрастал мышцами. В зале излечивались от мигрени, истерик, депрессии, различных болей, бронхита, аллергии. Одно плохо – Афанасий ставил жесткое условие: или ты слушаешься тренера во всем, или уходи. Не каждый мог выдержать предложенный режим: утром обливание холодной водой, потом скромный завтрак, в среду и пятницу не есть белковой пищи, три тренировки в неделю. Многие убегали, но те, кто оставался, хорошели на глазах.

Сейчас бывший детдомовец, тихий старательный мальчик, обладатель империи Дигетика. У него пять фитнес-клубов в столице. Рыбаков мог легко открыть свои

заведения по всей России, но он категорически не хотел увеличивать количество залов за счет качества услуг.

– Пять точек я сам проверить могу, – объяснял он корреспондентам, которые теперь часто приходили к Афанасию за интервью, – на большее меня не хватит. Где нет хозяйского глаза, там начинается разлюли-малина. А я каждого тренера, диетолога, врача лично знаю.

Кроме того, Афанасий начал выпускать спортивную форму, основал фирму доставки специального питания на дом. Все, за что он брался, мигом приносило прибыль. Он разбогател, стал жить на широкую ногу, превратился в модника. Ребенок, который в детстве имел только школьную форму и несколько «гражданских» вещей, стал шопоголиком, покупал все, что видел. Жизнь Рыбакова стала сказочно прекрасной. Добрый Боженька с лихвой наградил его за детское терпение и доброту. Но вот семьи у Афанасия не было. Почему? Ответ прост: ему никто из женщин не нравился. Конечно, у бизнесмена случались романы, но через пару месяцев отношений он представлял себе, что эта женщина останется с ним до конца дней, родит детей, будет ходить по его дому, распоряжаться всем, с ней придется постоянно проводить время, спать в одной постели, и пугался. На следующий день любовница вежливо и аккуратно изгонялась из квартиры навсегда. Спустя пару лет Афанасий задал себе вопрос: зачем мне супруга? Готовка? Есть повар, навряд ли обычная тетка сделает торт с мирабелью лучше француза, которого нанял Рыбаков. Уборка, стирка, глажка? На то есть домработница. Секс? Тут вообще без проблем, только покажи кошелек, и все порядочные и непорядочные красавицы прилетят на аромат денег, готовые на все. Дети? Афанасий улыбается чужим детям, но в своих не нуждается. Кому оставить нажитое? Лет в семьдесят Афанасий возьмет ребенка из детдома, обучит его дигетике и перед смертью вложит бразды правления империей в руки воспитанника. Еще вопросы есть?

В бизнесе нельзя оставаться мямлей, прощать сотрудникам лень, нежелание расти в профессии, глупость. Афанасий безжалостно выгонял тех, кто не соответствовал его требованиям, но и очень щедро поощрял тех, кто работал так, как требовал Рыбаков. И зачем человек, который создал без чьей-либо помощи и посторонних денег успешный бизнес, привык чуть ли не с пеленок справляться со всеми ухабами на жизненном пути, обратился в агентство Вульфа?

Не так давно в офис Афанасия вошла прекрасно сохранившаяся дама и с порога спросила:

– У вас есть на животе под пупком родимое пятно, похожее на пчелу? Оно желто-коричневое, овальное, имеет светлые полоски, в стороны отходят цепочки мелких родинок, а одна, покрупнее, сойдет за голову насекомого.

Афанасий, у которого на тот день не было ни одной назначенной встречи, работал за компьютером. Когда в кабинете застучали каблучки, он даже не поднял головы, пребывал в уверенности, что к нему пришла с кофе секретарша. И вдруг такой вопрос! От неожиданности Рыбаков ответил:

– Да!

Дама быстрым движением расстегнула брюки.

– Вот такая?

Взгляд тренера мигом отметил, что пресс посетительницы в отличной форме, которая достигается лишь регулярными занятиями. Еще Афанасий умеет точно определять возраст человека, поэтому он сразу понял – незваная гостья вовсе не молода, мысленно похвалил ее за стройность, занятия в зале и лишь потом удивился.

– Да. У вас такая же!

Женщина без приглашения опустилась в кресло и протянула визитку. Рыбаков взглянул на нее и заговорил:

– Уважаемая Алевтина Михайловна! Удивительно, конечно, что у нас с вами одинаковые родинки на теле. Но не думаю, что я вам нужен как партнер по бизнесу. Ваша сфера деятельности далека от моей. Или вы хотите посещать один из моих залов по скидке?

Дама махнула рукой.

– Речь идет не о совместном проекте. И не о выпрашивании скидки. Информацию о моем статусе я дала вам для того, чтобы вы не подумали, будто мне нужны деньги. О нет! Своих хватает.

– Хорошо, когда у вас в доме достаток, – кивнул Рыбаков. – Какова цель вашего визита? Ко мне сюда заглядывают в двух случаях. Когда хотят предложить поработать вместе или ведут речь о большой скидке.

– Я ваша биологическая мать, – объявила посетительница, – деньги мне не нужны.

– Уже понял, – пробормотал Афанасий, решив, что перед ним сумасшедшая.

А гостья словно подслушала мысли Рыбакова.

– Я совершенно здорова, как физически, так и психически.

– Отрадно это слышать, – вздохнул Афанасий.

– Я ваша биологическая мать, – повторила Кирпичникова, – не нуждаюсь ни в какой помощи. У нас одинаковые родимые пятна.

– Не могу считать сей факт доказательством родства, – отрезал Афанасий.

– Это редкость, – возразила дама, – и у вас есть сестра с таким же знаком. Давайте сдадим анализ крови. Тогда исчезнут любые сомнения.

– Чьи? – засмеялся Рыбаков. – Я ни в чем не сомневаюсь.

– Вдруг вы видите родную маму? – прищурилась Кирпичникова.

Глава 4

Рыбаков закрыл ноутбук.

– Тогда у меня есть вопросы. Мама, зачем вы меня к дому малютки подбросили?

– Тебя украли, – вздохнула Алевтина, – в роддоме. А мне сказали, что ребенок умер. Я только недавно узнала, что сын появился на свет живым и здоровым.

Афанасий рассмеялся.

– Не знаю, какую цель вы преследуете, но надо было придумать нечто мало-мальски похожее на правду. Предположим, что я наивный дурачок, развесил уши, поверил мамочке, кинулся к ней на шею со словами: «Всю жизнь ждал тебя, давай жить вместе, возьми мои деньги, для мамы мне ничего не жалко. Какой ужас, меня украли!» Но возникают вопросы: мамуля, как вы узнали, что бизнесмен Рыбаков тот самый младенец? Новорожденный без имени, фамилии, не зарегистрированный. Коим образом можно отыскать взрослого, который из крохи получился? А? И второе. Тот, кто украл меня, идиот? Псих? Зачем утаскивать ребенка и сразу бросать его у входа в приют?

Нежданная гостья опустила взор.

– У меня есть четкие ответы. Но это не моя тайна. Я не имею права ее разглашать. Давайте просто сделаем анализ ДНК. Он все на места поставит.

– Не моя тайна, не имею права ее разглашать, – передразнил ее владелец фитнес-клубов и расхохотался, – ступайте, маменька, лесом.

– У нас одинаковые родинки на животе, – уже не первый раз напомнила Алевтина, – и уже объяснила, что я в деньгах не нуждаюсь. Ладно, отвечу. Но имен не назову. Неделю назад ко мне обратился мужчина, он рассказал, что его теща, прекрасный человек, работала директором детдома. Ангелина Борисовна Сапина любила воспитанников, но баловать их не могла, денег ей выделяли мало. Пальто, например, воспитаннику менялось раз в три года. Такие в те времена были правила. А женщине очень хотелось и одеть ребятишек получше, и кормить повкусней. Один раз к Сапиной приехал неприметный мужичонка с невероятным предложением. Он может сделать детдом Ангелины показательной площадкой. Финансирование в разы увеличится, у них проведут ремонт, купят новую мебель, игрушки. Когда переоборудование закончится, в интернат будут привозить гостей из-за границы, покажут им, как прекрасно в

СССР содержат сирот. С ребятами будут работать психологи, проводить всякие тесты, потом писать диссертации. Денег на нужды детдома дадут столько, что их все не истратишь. Хотите?

– Да, – не веря своему счастью, ответила Ангелина, – да, да, да.

– Есть условие, – улыбнулся мужчина, – за все хорошее, что вас ждет, возьмите под свою опеку мальчика. Документы у него в порядке. Перевод из дома малютки. Воспитанник должен жить у вас до окончания школы. Без усыновления.

Ангелина согласилась. Но когда она стала изучать документы нового воспитанника, то поняла, что не все там гладко. Афанасия перевели из учреждения, которое сгорело дотла за полгода до того, как он оказался в интернате Сапиной. Где малыш находился шесть месяцев?

Задать этот вопрос мужчине, который обещал превратить ее интернат в райское место, Ангелина не решилась. Прошло немало времени, директриса отправилась на курсы повышения квалификации, прослушала много интересных лекций. Одну из них читала дама-генетик, свой доклад она сопровождала фотографиями. Когда на экране появилось изображение одного младенца, Сапина вздрогнула. Чуть пониже пупка малыша располагалось необычное родимое пятно. Потом появился другой снимок.

– Теперь вы видите родинку матери, – объяснила ученая дама. – Моя диссертация посвящена пигментированным пятнам, я собрала большой материал, много времени провела в родильных домах. Родинки бывают удивительной формы. Сейчас покажу еще один интереснейший материал.

После лекции Ангелина подошла к профессорше с вопросом: «Родинки, такие, как у новорожденного и его матери, похожие на пчелу, часто встречаются?»

– Конечно, нет, – улыбнулась профессор, – лично я такую впервые видела. Почему вы спрашиваете?

– Я знаю девочку с похожей отметиной, – соврала Сапина, – может, она родственница тем, о ком вы говорили.

Профессор не успела ответить, ее отозвали в сторону. На кафедре осталась лежать стопка снимков, которые дама демонстрировала слушателям, не называя фамилий тех, кого фотографировала. Ангелина Борисовна увидела, что самым верхним лежит фото младенца с пятном-пчелкой. Сверху была запись: «Мальчик. Мать Алевтина Михайловна Кирпичникова. Рожден 14 февраля в 05.15. Летальный исход в 07.24. Опухоль головного мозга».

Сапина вернулась в интернат в глубокой задумчивости. Она давно подозревала, что с Афанасием дело нечисто. Но задавать вопросы человеку, который снабжал детдом всем необходимым, она опять не решилась.

Когда Рыбаков ушел в большую жизнь, приют еще некоторое время сохранял статус экспериментальной площадки, но потом лишился его. А Алевтина Михайловна получила другое место работы, ей поручили руководить новым детдомом на другом конце Москвы.

Сообщив все это, зять Сапиной спросил:

– У вас есть пятно-пчела на животе?

– Да, – пробормотала Кирпичникова, – и у меня в роддоме умер новорожденный сын.

– Ангелина Борисовна стала воцерковленным человеком, – вздохнул зять, – перед смертью она исповедалась. А когда батюшка ушел, рассказала мне эту историю, велела найти вас и сказать: мальчика зовут Афанасий Константинович Рыбаков. Теща всегда чувствовала свою вину перед ним, она не подпускала к ребенку потенциальных приемных родителей, лишила его возможности попасть в семью.

Кирпичникова замолчала. Афанасий растерялся и сказал:

– Хорошо, давайте сделаем анализ.

Рыбаков умолк.

– Вы прошли исследование? – поинтересовался Макс.

Афанасий кивнул.

– Да, с точностью девяносто девять и восемь десятых процента я являюсь сыном Алевтины Михайловны Кирпичниковой. У меня есть брат, сестра, племянник.

– Невероятная история, – поразилась я. – Вы поддерживаете отношения с родней?

– Алевтина стала умолять меня поселиться рядом с ними. Я не большой любитель роскоши, жил в городе в небольшой трешке. Могу приобрести пентхаус, построить особняк, но зачем? Использую жилье, как гостиницу, только ночую там, остальное время я на работе. У Кирпичниковых огромный участок, домина в три этажа, прислуга, мне не очень привычно и комфортно там.

– Значит, вы все-таки поселились у матери? – уточнил Макс.

– Она очень просила, – вздохнул Афанасий, – прямо до слез. И мне там все рады.

– Зачем тогда вы к нам пришли? – спросил Вульф.

– Хочу узнать, кто решил украсть меня. Почему отдал в приют? – объяснил Афанасий. – А они против!

– Родители? – уточнила я.

– Да, – подтвердил посетитель. – И им мои деньги точно не нужны, своих хватает.

– Никто, кроме вас, в семье не горит желанием узнать истину? – предположил Володя Костин.

– Верно, – поморщился Рыбаков, – они в один голос твердят: «Успокойся, главное, мы теперь вместе. Зачем тратить нервы, деньги? Ничего мы не выясним». Но нельзя складывать руки, не сделав хоть одну попытку узнать, что случилось. Думаю, то ли мать, то ли отец что-то скрывают. Займитесь моей проблемой. Заплачу, сколько скажете.

– Можно попробовать, – без особого энтузиазма высказался Костин, – но с момента вашего рождения прошло немало лет.

– Мне очень не по себе, – признался Афанасий. – Тревога внутри живет. Беспричинная. Все же хорошо, нашлись предки, наконец я обрел семью, о которой всегда мечтал, и такую, какую хотел. Родители, сестра, брат. А мне нехорошо. У вас душно. В комнате жарко.

– Давайте я поставлю кондиционер на более холодный режим, – предложила я.

– Нет, нет, меня озноб заколотит, – возразил посетитель, – уже несколько дней со мной такое. То в пот, то в дрожь кидает.

– Это на нервной почве, – поставил диагноз Костин, – еще и понос начаться может.

Рыбаков не улыбнулся, ответил серьезно:

– Пока нет.

Глава 5

Вечером того же дня Макс, приехав домой, сказал:

– Похоже, он фантазер.

– Кто? – не поняла я.

– Афанасий, – пояснил супруг. – Филипп тщательно проверил господина Рыбакова. О нем в интернете почти ничего нет, что, учитывая размер его бизнеса, странно. Википедия о парне не упоминает. Интервью у него журналисты не берут.

– Подумаешь, я тоже в энциклопедии не присутствую, – улыбнулась я, – и корреспонденты к госпоже Романовой не спешат.

Муж сел за стол.

– Ты никого не уверяешь, что ворочаешь миллиардами.

Я начала наливать в тарелку суп.

– Люди разные. Один, как павлин, любуется собой, выкладывает в Инстаграм свои фото, которые тщательно улучшил. А другой не хочет жить напоказ. Те, кто реально обладает большими капиталами, не демонстрируют свои виллы, самолеты, покупки, иногда этим занимаются их дети, как правило, подростки. В основном озабочены пиаром деятели шоу-бизнеса и те, кто страстно хочет разбогатеть и прославиться.

Макс взял банку со сметаной.

– Филипп поискал сеть фитнес-клубов нашего клиента. Ее нет.

Я накрыла кастрюлю крышкой.

– То есть как нет?

Супруг отрезал кусок хлеба.

– У него есть один клуб. Там на самом деле основное внимание уделяется реабилитации. Отзывы хорошие, люди довольны. Заведение находится в собственности Афанасия. Из сотрудников: два тренера, из дополнительных услуг: массажист, специалист по иглоукалыванию. Сам хозяин тоже ведет занятия. На сегодняшний день членами клуба являются двадцать четыре человека. Не очень похоже на успешное дело.

Я села к столу.

– Фабрика пошива спортивной формы и остальное тоже в реальности не существуют?

– Правильно мыслишь, – одобрил Макс.

Я отхлебнула из чашки чаю.

– Бред!

Вульф стал намазывать на хлеб масло.

– Существует болезнь – патологическая лживость. Человек выдумывает всякие истории, остановиться не может. Этим недугом страдают многие писатели, но в их случае это называется фантазией. И литераторы воплощают свои фантазии на бумаге, не говорят, что все это произошло с ними. Есть интересная статья немецкого психолога на данную тему с названием «Правда. Вымысел. Бред. Граница между творчеством и болезнью». У Афанасия состояние, похожее на какую-то психическую болезнь.

Я отодвинула тарелку с остатками кекса.

– Детский дом? Младенец-подкидыш? Это все полет фантазии?

Макс вытащил из портфеля компьютер.

– Слушай. «Афанасий Сергеевич Кирпичников учился в школе имени Николая Рустамова с первого по десятый класс. Успеваемость средняя. Часто пропускал занятия. Несколько лет находился в санатории в связи с заболеванием, учился в лечебном учреждении. Занимался спортом, не раз побеждал в соревнованиях. Не пользовался любовью сверстников. Не принимал участия в экскурсиях, поездках, вечерах отдыха. Обучается в институте имени Коркина по специальности тренер, специалист по реабилитации. Увлекался чтением. Не курит. Не употребляет алкоголь. В компрометирующих связях не замечен. В институте успеваемость удовлетворительная. Лекций, семинаров не пропускает. Ответственен. Не лидер. Предпочитает уединение. Не примыкает ни к одной студенческой компании. Однокурсники относятся к Афанасию равнодушно. Характеристика дана для прохождения практики в НИИ „Проблем поведения“ лаборантом в отдел П.К. Федотовой».

Я начала собирать со стола посуду.

– Даже не знаю, что сказать! Зачем он тогда пришел к нам? Напридумывал историй! И отчество у него не Константинович, а Сергеевич! И фамилия другая! Цель визита какая?

Макс встал, принес из холла свой портфель, вынул из него книгу в кричащей обложке и положил ее на стол.

– Ты стал фанатом Милады Смоляковой? – захихикала я. – А как же философская литература?

– Одно другого не исключает, – спокойно ответил муж, – каждому произведению свое время и место. На пляже, в больнице, в минуты отдыха дома, когда хочется реанимироваться после тяжелого дня, хороша Смолякова. Но читать ее при подготовке доклада о рациональном зерне Канта не стоит. Говорить, что Смолякова мусор, все обязаны любить только Гоголя, глупость, это все равно что сравнивать творог и яйца. Что лучше? И то, и другое должно быть в рационе. Так и с литературой. Ты этот роман Смоляковой читала?

– Нет, – ответила я, – пока не успела.

– А Фил его на отдыхе проглотил, – продолжал Макс, – и вот какая штука! Когда он прослушал запись нашей беседы с Афанасием, сразу вспомнил, как на пляже детективом увлекся. Сюжет, как всегда, у Милады заковырист без меры. На ступеньках детдома находят младенца. При нем записка с именем. Более ничего. Мальчик вырос, стал олигархом. К нему в офис один раз приходит женщина с приметной, необычной родинкой на животе, в форме пчелы… Продолжать?

Я не поверила своим ушам.

– Он нам изложил сюжет детектива Смоляковой?

– Именно так, – подтвердил муж, – с небольшими поправками. В книге подкидыш – банкир, а у нас дядя с сетью фитнес-клубов. Думаю, Рыбаков болен психически.

Я никак не могла прийти в себя.

– Выглядит он нормальным, говорит ясно, убедительно. Я поверила ему полностью.

Вульф открыл окно.

– Меня смутило несколько мелких деталей, но я подумал: подчас в жизни случается такое, что ни один фантаст не выдумает. Я ему поверил и ошибся. Ты зря думаешь, что человек со съехавшей крышей ест гвозди, бегает на четвереньках, норовит улепетнуть голым на улицу. Подобные больные существуют, но за ними ведется тщательный присмотр. Одни они по городу не передвигаются, сами машину не водят. Афанасий из тех, кто мирно пьет таблетки и выглядит обычно. Но у него, наверное, случаются обострения, к нам он прикатил в этой фазе. Думаю, надо предупредить его родных. Мужчине, похоже, нужно или пилюли поменять, или дозу медикаментов скорректировать. Да побыстрей, а то он может в беду попасть. Поймают на вранье, побьют. Съезди завтра к Алевтине Михайловне Кирпичниковой, его матери.

Я загрузила в посудомойку чашки.

– Она существует в реальности?

Вульф кивнул.

– И отец, Сергей Леонидович, и брат Петр, и сестра Антонина тоже. Семья Кирпичниковых в наличии. Все работают, ни в чем предосудительном не замечены. Дети участвуют в бизнесе родителей. У Афанасия небольшой спортзал. Интересная деталь. В младенчестве Афанасия сначала зарегистрировали в загсе как Рыбакова с отчеством Константинович. Когда мальчику исполнилось три года, Алевтина вышла замуж за Сергея Леонидовича, тот усыновил малыша, метрику поменяли.

– Почему он не сразу стал Кирпичниковым? – спросила я.

Муж улыбнулся.

– Скорее всего, он рожден от внебрачной связи. Еще деталь: женщина произвела на свет младенца в раннем возрасте, ей еще восемнадцати не исполнилось.

Наверное, был короткий роман, кавалер узнал о беременности и сбежал. Фил не успел пока глубже копнуть, снял сливки сверху. Завтра узнаем подробности.

Я нажала на кнопку «Пуск», посудомойка загудела.

– Похоже, мне пора отдохнуть, если сама до такого простого объяснения не додумалась.

– Ложись, я выйду с мопсами, – пообещал муж.

– Отлично, – обрадовалась я, – а то мне еще надо Кисе сказку почитать.

– Пусть девочка один раз обойдется без чтения на ночь, – отмахнулся Вульф, – скажи ей, что устала.

– Не сегодня, – возразила я, – завтра в школе контрольный опрос на тему: «Образ „Колобка“ в произведении „Гуси-лебеди“».

– Разве там был колобок? – изумился Макс. – Правда, я смутно помню сказку. Вроде главная героиня девушка, она братьям-птицам вязала рубашки из крапивы.

– Дети изучают не классический вариант, а произведение современного детского прозаика, – уточнила я. – На родительском собрании учительница подчеркнула, что сказку необходимо хорошо изучить дома. Вопросы составлены каверзно, с целью выявить тех, кто не читал опуса.

– Прими мои глубочайшие соболезнования, – хихикнул муж, – предлагать помощь не стану. Я урокоделательщиком стану позднее. Папе после четвертого класса надо подключаться, а маме в первых мучиться.

– Особо не радуйся, – вздохнула я, – потом у Кисы пойдут физика, химия, астрономия, геометрия, алгебра.

Вульф легкомысленно отмахнулся:

– Она умная девочка, сама справится.

Я молча пошла в детскую. Макс прав, Кисуля сообразительная, с удовольствием читает, с нормальным настроением ходит в школу, не канючит, когда нужно садиться за домашние уроки. Но о чем думают учителя? Сегодня нашей второклассница задали три задачи по математике. Упражнение по русскому. Не проявила жалости и учительница истории, она потребовала сделать устный доклад на тему «Обед доисторического ребенка». Вроде не так много докуки? Ох, тихий внутренний голос мне шепчет: «Лампа, не все так просто». Не успела я сегодня после работы войти в дом, как ко мне прибежала Киса.

– Лампа, помоги. Не понимаю задачи.

Пришлось идти в детскую и брать учебник. Первое задание было коротким: «Ваня напечатал на компьютере сто страниц текста за десять дней. Петя столько же за пять. На сколько страниц в день набирал больше Ваня, если они с Петей печатали одинаковое количество страниц в день?»

Я потрясла головой. Ваня напечатал сто страниц за десять дней. А Петя за пять. Значит, Петенька работал быстрее. Он двадцать листов делал. На сколько страниц в день набирал больше Иван, если они с Петром набирали одно количество в день? Во-первых, больше печатал Петя. Во-вторых, они не могли набивать равное количество знаков! Что за бред!

– В учебнике опечатка, – решила я, – покажи завтра задание педагогу и скажи: его решить невозможно.

– Почему? – горько вздохнула Киса.

– Из-за глупости оного, – выпалила я, – то есть из-за опечатки. Решай следующую.

– Она тоже неправильная, – заявила Киса, – вот слушай. На ветке ели сидели три рыбы, к ним прилетело пять, сколько лягушек теперь на березе?

Я улыбнулась.

– Наверное, автор хотел повеселить детей. Всем известно: ни судак, ни осетрина, ни карась крыльев не имеют, гнезда не вьют. Ответ прост: восемь

рыбок.

– Не-а, – возразила Кисуля, – ты плохо читала задание. Рыбы сидели и прилетали на елку. Спрашивают же про лягушек на березе!

Я уставилась в учебник. А и правда.

– Тут тоже опечатка! Что с третьим заданием?

Киса кашлянула.

– «Три солдата ехали в метро. Они сели в два разных вагона. Сколько солдат в каждом, если солдат в них поровну?» О! Понятно, задача на деление. Три на два! Это получается…

Киса призадумалась.

– По солдату и еще половинке.

Я молчала. Навряд ли в учебнике столько опечаток. Скорей всего, это в мозгу автора, редактора и издателя одновременно случилось короткое замыкание.

– Лампа, а есть разница, в каком вагоне едет голова и руки солдата, а в каком его попа и ноги? – спросила Кисуля.

– Думаю, нет, – пробормотала я.

– Ага, – обрадовалась девочка и написала: «Ответ: один сАлдат и кусок третьего сАлдата. Один сАлдат и еще кусок третьего сАлдата.»

Я взяла ручку, исправила А на О, и мы перешли к русскому языку. Кисуля бойко прочитала: „Напишите двадцать русских женских имен, которые не заканчиваются на „я“, „и“, „е“, „о“, „а“».

– Мария, Ольга, Татьяна, Елена, Антонина, Зинаида, – начала перечислять я. – Интересно, какие имена имел в виду автор пособия?

– Урсун, – заявила Киса.

– Впервые такое слышу! – обомлела я. – Похоже, оно индийское.

– Учительница сказала, что все русичи раньше рождались монголами и татарами, – объяснила Киса, – потом они перемешались и появились древние люди Москвы.

– Интересная теория, – вздохнула я.

– Имена предков позабылись, но нам их надо знать, – частила Киса, – учительница их помнит. Урсун, Красава…

– Во втором в окончании есть буква «а», – возразила я.

– Медведь! – воскликнула Киса. – Вот! Точно! Еще Еж!

Я твердо решила пойти завтра в гимназию и поговорить с дамой, которая посеяла в голове девочки знание про русских девушек, которых звали Медведь и Еж. Одновременно захотелось поинтересоваться у исторички, в курсе ли она, что «Повесть временных лет», также известная под названием «Несторова летопись», написана примерно в тысяча сто семнадцатом году. И в ней описаны события, которые происходили в восемьсот пятьдесят втором году и ранее. А татаро-монгольское иго на Руси установилось примерно в тысяча двести тридцать седьмом. Надеюсь, теперь вы понимаете, почему следующее задание, составить доклад про еду доисторического ребенка, меня не обрадовало. Поэтому, малодушно бросив:

– Кисуля, ты же знаешь, что он ел? Вроде Макс пришел, он голодный, – я живо удрала на кухню.

Но сейчас муж поужинал, и от чтения сказки «Гуси-лебеди» мне не отвертеться.

Глава 6

Сев в детской в кресло, я взяла два листочка, которые мне протянула Киса.

– Ты же знаешь сказку про Колобка?

– Да, она для совсем маленьких. Но эту я не читала, – призналась девочка, которая уже лежала в постели. – Нам училка ее перед концом урока раздала. Там сначала идет текст, потом вопросы. Произведение не русское народное. Современное писательское.

– Начнем, пожалуй, – вздохнула я. – В одном лесу жили-были дед со старухой. У самого синего моря. Бабка противная до жути. Дед добрый, но глупый.

Я остановилась.

– Ну, ну, дальше, – поторопила девочка.

– Жена постоянно шпыняла мужа, – продолжала я, – то шубу ей купи, то сумку Шанель, то «Мерседес».

– И откуда у простого пенсионера деньги? – озадачилась Кисуля. – У нас в гардеробе работает тетя Люся, она всегда ворчит: «Государство две копейки платит, а четыре за коммуналку требует. Вот и приходится тут пахать. Чтоб вам, дети, ноги переломали за то, что без сменки приходите».

Я выронила листки. Завтра точно надо посетить школу. Кисуля впервые рассказала про «добрую» техничку.

– Читай, читай, – попросила девочка.

Я вернулась к сказке.

– «Пришел старик на берег колодца. Забросил ведро, вытащил Колобка. Да уж такой он весь справный, румяный, красивый, пригожий. На голове фуражка с пряжкой, на ногах сапоги».

Я вздрогнула и еще раз, теперь уже про себя, повторила последнюю фразу. Ума не приложу, где у Колобка ноги?

– Лампа, ты спишь? – донеслось из кровати.

Я опомнилась.

– Нет. «Говорит Колобок: „Дед, чем тебе помочь?“ Отвечает дед: „Избавь меня от старухи. Надоела хуже поноса. Забери ее с собой в колодец“. Колобок отвечает: „А где мне самому тогда жить?“ Дед говорит: „Возьму тебя к себе. Изба большая, еды много, я тебе гармошку куплю, станем в четыре руки играть“».

Учитывая ноги хлебобулочного изделия, руки меня уже не поразили. Ну вот такой шар из теста с головой и всеми лапами.

– Лампуша, – зевнула Киса, – почему ты все время замираешь?

– Думаю над текстом, – честно ответила я. – «Колобок отвечает: „Договорились“. Достал Колобок барабан, начал в него дуть. На звук прилетели гуси-лебеди, схватили вредную бабку и утопили. Колобок ушел жить к деду. Хорошо им вместе стало. Утром чай пили, в обед пиво, вечером водочку. Песни пели. Колобок огород копает, корову доит. Дед картошкой торгует. Гуси-лебеди в гости залетают. Только колодец им пришлось закопать. В нем вода из-за бабки ядовитая стала. Тут сказочке конец, кто слушал – молодец, возьму из холодильника сырец, съем его весь вконец. Баю-бай, засыпай. Не будь как та старуха, а то дед с Колобком придут и тебя утопят».

Текст закончился. Я замерла, не в силах сказать ни слова.

– Лампа, – трагическим шепотом произнесла Киса, – беги скорей к Максу.

– Зачем? – тоже тихо спросила я.

– Ты ему третий день говоришь: «Надо купить новый коврик в ванную. Мопсиха Фира старый весь описала». Твердишь, твердишь! Прямо как старуха из сказки. Вдруг папа Колобка позовет?

– Я не прошу у мужа денег, – не пойми почему стала я оправдываться, – просто так болтаю. И коврик в ванную не шуба!

– Максу, наверное, надоело, – шмыгнула носом девочка. – Что я без тебя делать стану? Вдруг ты утонешь?

Я обняла Кису.

– Я буду жить вечно!

– Обещаешь?

– Конечно, – кивнула я.

Киса вытерла личико краем пододеяльника.

– Какие там вопросы к сказке?

Я посмотрела на листок с заданием.

– «Дай психологический портрет Колобка. Определи степень виновности деда. Расскажи о роли зависти в теле человека. Кем ты хочешь стать, когда повзрослеешь: дедом, бабкой, Колобком, гусями-лебедями или писателем, который придумывает такие прекрасные сказки, как та, что ты прочитал?» Господи! Только не этим писакой, – вырвалось у меня.

Я услышала сопение, его издавала Кисуля, которая мирно задремала. В этот звук вплетался храп мопсихи Фиры. К двум солисткам добавилась третья, собака Муся, она тоненько подвывала и одновременно перебирала во сне лапами. Я выключила свет, на цыпочках пошла в ванную, помылась, легла в кровать и спросила у Макса, который читал книгу:

– Уже который день твержу: надо купить коврик в санузел! Тебе это слушать не надоело?

– М-м-м, – промычал муж, не отрываясь от страницы.

– Нет желания утопить вздорную жену в колодце? – продолжала я.

– М-м-м.

– Макс!

– М-м-м.

– Вульф!!!

– М-м-м.

Я выдернула у супруга книгу.

– Ответь немедленно!

Макс вздохнул.

– Лампудель! Конечно, я тебя люблю. Да, не говорю постоянно нежности. Но мужик, который все время сюсюкает, выглядит странно. Я на тебе женился. Какие еще доказательства чувств тебе нужны?

– Вопрос о другом, – рассердилась я.

– Да ну? – поразился Макс. – Что купить надо?

– Я спросила: захочешь ли ты утопить надоедливую супругу в колодце, если она еще раз заговорит о новом коврике для санузла! – раздраженно повторила я.

Вульф положил книгу на тумбочку.

– Хорошо, давай рассуждать на предложенную тему. Коврик на пол стоит не очень дорого. Жена же делает много полезного и большую часть времени работает на семью бесплатно. Если я брошу тебя в колодец, то придется платить наемным людям: домработнице, повару. Супруга определенно обходится дешевле. И кто испечет мне твою творожную запеканку с курагой? Еще нюанс: Ламповецкий прекрасно плавает, не теряется в стрессовых ситуациях. Брошу я тебя в воду, ты сначала завизжишь, а потом вылезешь. Каким образом? Не знаю.

Но точно выберешься, вернешься домой вся мокрая. Мне потом год придется извиняться, конфеты покупать каждый день. Ты от шоколада заработаешь почесуху! Лечи тебя потом.

Я схватила подушку и стукнула мужа.

– Столько слов! И все зря. Следовало произнести всего одну фразу!

– Какую?

– Люблю тебя, никогда не утоплю в колодце!

– С этого же я начал, – вздохнул муж, – со слов: «Конечно, я тебя люблю».

– А потом стал занудничать!

Макс выключил свет.

– О, загадочная женская душа! Почему тебе в голову пришел этот идиотский вопрос?

– Тебе в голову тоже всякие глупости полезут, если будешь с Кисой уроки делать, – вздохнула я.

Глава 7

– Извините, Евлампия, – сказал за спиной тихий голос, – заставила вас долго ждать.

Я вздрогнула. Ну вот, пришла поговорить с Кирпичниковой, а в доме идет съемка рекламного ролика. Я затаилась в кресле, погрузилась в свои мысли и чуть не забыла, где нахожусь.

– Вы хотели о чем-то побеседовать? – продолжала женщина, которая только что неслышным шагом подошла ко мне. – И чем мы могли заинтересовать детективное агентство?

– Здесь много народа, – шепотом сказала я, – речь идет о вашем сыне. Об Афанасии.

– Пройдемте, – скомандовала Алевтина, – уединимся в моем кабинете на втором этаже. Господа, перерыв на чай. Напиток сервирован на веранде.

Съемочная группа направилась к стеклянным дверям. А мы с хозяйкой вышли в коридор, поднялись по лестнице и очутились в крошечной комнате. Наверное, на моем лице возникло удивление, потому что Алевтина улыбнулась.

– Мне нравятся маленькие помещения. Чем Афанасий вызвал интерес сыщиков? Сейчас сын мог произвести на вас не лучшее впечатление, он нервничал, ехидничал, придирался ко всем. Но это потому, что Афанасий переживает за результат. Он перфекционист, сам работает безукоризненно, наивно ждет того же от служащих. Обычно он мягкий, голоса даже на кошку не повысит. Но сегодня работает над рекламным роликом, для Афанасия это не привычное дело, отсюда и его нервозность.

Я положила на стол диктофон.

– Мой рассказ может показаться вам странным, поэтому послушайте нашу беседу.

– Вы встречались? – удивилась хозяйка. – Странно, но Виктор Маркович, наш адвокат, ни словом не обмолвился о поездке в офис частного детектива.

– Афанасий Константинович прибыл один, – сказала я.

– Простите, – остановила меня хозяйка, – но он Сергеевич.

Я молча нажала кнопку.

По мере того, как Афанасий излагал свою биографию, глаза его матери округлялись.

– С ума сойти! – воскликнула она, когда запись закончилась.

– Все неправда? – уточнила я.

– Бред! – коротко ответила Алевтина.

– Разрешите задать неделикатный вопрос? – осведомилась я.

– Да сколько угодно, – разрешила дама.

– Вы родная мать Афанасия?

– Есть сомнение?

– Выглядите молодо, – объяснила я, – вашей фигуре позавидуют двадцатилетние, активно работаете, не скрываете свой возраст. Но если применить простое вычитание, то получается, что Афанасий появился на свет, когда его мать справила пятнадцатилетие.

– Верно, – кивнула Алевтина, – моя родительница, похоронив мужа, отца своей единственной дочери, недолго плакала и снова помчалась в загс. Папа был старше матери на сорок пять лет. Анне Федоровне на момент свадьбы было двадцать, мужу шестьдесят пять. Полагаю, она пошла под венец из вульгарного расчета. Не верю в страстную любовь девушки к старику. Михаил Юрьевич, мой папа, скончался, когда мне исполнилось тринадцать, оставил большое наследство: квартиру в центре столицы, машину, дачу, а главное, авторское право на учебники, которые до сих пор переиздают. Мать стала богатой вдовой, а потом женой двадцатипятилетнего Якова. Прожив много лет со стариком, она захотела молодого партнера. А Якову быстро надоела сорокалетняя супруга. Ему понравилась ее дочка. Я пожаловалась мамаше, что отчим меня слишком крепко целует, та не поверила, надавала мне пощечин, кричала:

– Врешь! Яше в голову не придет даже посмотреть на тебя, селедку тощую. Подлая! Хочешь нас развести? Дрянь! Отнять мое выстраданное счастье? Только

солги еще раз! В интернат тебя сдам!

Ночью Яков меня изнасиловал и стал регулярно этим заниматься. А я боялась признаться матери в том, что творится. Понимала, мне не поверят, сдадут в приют. Поэтому молчала. То, что я забеременела, не сразу поняла. А когда стал увеличиваться живот, мать избила меня с воплем:

– Немедленно назови, мерзавка, имя своего любовника.

Я ответила:

– Яков. Он меня силой заставил.

Угадайте, что произошло потом?

– Вам не поверили, отправили вас подальше из Москвы, – предположила я.

– В точку, – кивнула моя собеседница, – именно так. Аборт уже не сделаешь, срок не маленький. Меня заперли в психиатрической лечебнице в Подмосковье. Когда родился мальчик, его решили отнять, приказали несовершеннолетней матери написать отказ. Дальше прямо приключенческий роман. Утром мне собирались дать отказные бумаги на подпись. Ночью я сбежала вместе с младенцем. Мне помог санитар, мы с ним подружились в клинике, много разговаривали. Парень учился в мединституте, в психушке подрабатывал. Мать его жила в деревне неподалеку. Марфа Никитична, простая женщина, доброты несказанной, едва читать-писать умела. Муж же ее, Леонид Афанасьевич, человек образованный, уважаемый, с нужными знакомствами. Не знаю, как бы я поступила, ввались ко мне ночью сын вместе с заплаканной школьницей и младенцем. Но и тетя Марфа, и дядя Леня глазом не моргнули. Чаем меня напоили, спать уложили. Утром я им правду рассказала. Дядя Леня уехал, вернулся с моим паспортом, справкой из больницы о рождении Афанасия, сказал:

– Аля, ты наша девочка! И точка!

За Сережу я через три года замуж вышла, никогда об этом не пожалела, мы до сих пор вместе. Сына я назвала в честь брата своего покойного отца Афанасием. А вот фамилию ему дала Рыбаков, отчество придумала Константинович. У

сотрудницы, которая младенца регистрировала, была табличка на столе: «Вас обслуживает Татьяна Константиновна Рыбакова. Сергей мне вопрос задал, когда я из загса вернулась: „Почему ты так поступила? Я считаю мальчика своим сыном“». Ответила ему:

– Мне пятнадцать лет. Если записать его Кирпичниковым, могут неприятности возникнуть. Кто-нибудь наябедничает, что ребенок от тебя. Доказывай потом, что ты меня никогда пальцем не трогал, за совращение малолетней посадить тебя могут. А у нас ничего и не было.

Это правда. Мы с Сережей настоящими супругами стали в первую брачную ночь. Спустя месяц после свадьбы Сергей усыновил Фасю, ему сменили отчество, фамилию.

– Он знает историю своего рождения? – поинтересовалась я.

– Сейчас во всех подробностях, – кивнула Алевтина, – в детстве, естественно, ему никто правды не говорил. Сомнений в том, что Сережа ему такой же родной папа, как Пете и Тонечке, у Фаси никогда не возникало. Отец всегда ласковый, но когда надо, строгий. От дедушки-бабушки текло море любви. Конфликты случались вполне обычные, как у всех. Уроки делать не хотел, в комнате на стене после ремонта нарисовал корабль. Школу прогулял. Ничего выдающегося. Учился средне, в институт мы его устроили. Занимался спортом с детства, побеждал в соревнованиях. Когда закончился противный пубертатный период, превратился в приятного молодого человека, спокойного, тихого. Любит семью, нас с отцом, сестру, брата, племянника. А потом случилась такая история. Фасе в магазине на сдачу дали лотерейный билет. Начало девяностых, в стране голод, разруха. И тут кто-то возродил лотерею. По телевизору показывали розыгрыши, знаменитости из барабана шары с номерами вытаскивали. Я Афанасию сказала:

– Давай твой билет проверим, тот, что тебе на кассе всучили.

Он рассмеялся:

– Ма, это же сплошное надувательство.

Но принес билет. Не поверите, студент выиграл машину! И, что еще удивительнее, ее торжественно ему вручили при большом скоплении прессы.

Афанасий засветился в новостных программах. Мы все смеялись: «В нашей семье взошла звезда». А потом, где-то через неделю, Афанасий пришел домой чернее тучи и спросил:

– Правда, что я не от папы?

В принципе, я понимала, что когда-то этот вопрос может прозвучать, радовалась, что сын его не задал лет в двенадцать, но все равно растерялась.

Афанасий усмехнулся.

– Выражение твоего лица говорит о многом. Значит, это не ложь. Расскажи все.

Я выложила сыну историю его рождения, потом спросила:

– А кто тебе в уши про меня нашептал?

Он ответил:

– В институт приехала старуха. Сначала я подумал, что она бомжиха, грязная очень была. Бабка представилась твоей матерью, назвала тебя шлюхой, которая соблазнила отчима, родила младенца, удрала с ним из дома вместе с мужем матери. Анна Федоровна от переживаний заболела, продала квартиру, чтобы лечиться.

Алевтина Михайловна поморщилась.

– Все вранье, рассказывать противно. Но мне стало ясно, сын не знает, кому верить. И тогда Сергей позвонил приятелю в МВД, тот нашел сведения о моей матери. Весьма печальные. Выяснилось, что Яков ухитрился получить от нее дарственную на квартиру и дачу. Потом отписал недвижимость своей родной матери и ушел от давно немолодой супруги. После второго развода Анна осталась в прямом смысле слова на улице. Учебники первого мужа перестали издавать. Анна устроилась на работу в местное отделение полиции уборщицей, сняла комнату, свела знакомство с одним из сотрудников, они стали жить вместе. Дядьку потом выгнали за увлечение алкоголем, пара перебивалась случайными заработками. Как бабка узнала, где учится внук? Она с сожителем

смотрела телевизор, там показали вручение выигрыша в лотерею. Анна ахнула:

– Яшка!

– Не! – возразил любовник. – Он старше, этому на экране мало лет, сказали, что он студент. Афанасий Сергеевич Кирпичников.

Моя мать поняла – она видит своего внука. Во-первых, парень как две капли воды походил на Якова. Во-вторых, имя. Почему я сына так назвала? У моего папы был брат Афанасий, он шофером служил, очень простой человек, но бесконечно добрый. Дядя меня обожал, на рыбалку с собой брал, лето я всегда у него в деревне проводила. Отцу с матерью я мешала, не помню случая, чтобы я с родителями куда-то пошла или поехала. Летом они на три месяца укатывали на море в Прибалтику, папе из-за возраста солнце и жару запретили. Меня отдавали Афанасию. Я его называла Фася! Имя очень редкое. Даже сейчас, когда в моду вошли Святозары, Велимиры и им подобные, Афанасиев нет. А во время выигрыша в лотерею оно и вовсе уникальным было.

– Ваш сын общается с родной бабушкой? – поинтересовалась я.

– Она скончалась, – ответила Алевтина, – Фася был потрясен историей своего рождения, а я пожалела мать, стала ее кормить, одевать. Денег на руки не давала, пропьют. Когда ее сожитель умер, поселила мать в частном пансионате. Там у каждого постояльца квартира, есть бассейн, врачи наготове. Последние годы жизни родительница провела в сытости, комфорте, что не мешало ей говорить всем: «Моя дочь Алька шлюха!» Но я уже не переживала, поняла причину ее ненависти к единственной дочери. Анна никогда не любила мужа, просто хотела стать женой обеспеченного человека, не собиралась ни учиться, ни работать. А для осуществления этого желания пришлось родить ребенка. Супругу она сказать о своем отношении к нему не могла, но куда деть раздражение от общения с нелюбимым? Это чувство, которое потом переросло в ненависть, она перенесла на дочь.

– Мама, мама, – закричал высокий женский голос, – сюда, скорей!

Глава 8

– Тоня, – начала Алевтина, входя в гостиную, где снимали клип, – почему… Боже! Фася! Что с ним?

Худощавый мужчина, который стоял на коленях около распростертого на ковре Афанасия, встал.

– Не знаю. Вошел сюда, увидел, как Афанасия в припадке крутит. Вызвал Николая. У меня есть набор лекарств, но я понятия не имею, что с парнем.

Члены съемочной группы переглянулись, но никто ничего не сказал.

Кирпичникова присела около Афанасия и пощупала ему лоб.

– Сережа, он горит. Температура сорок, не меньше.

Муж опять встал на колени и потрогал лицо сына.

– Да, похоже.

– Воспаление легких! – предположила Алев-тина.

– Возможно, грипп, – прибавил муж.

– Тогда я пошел, – засуетился оператор, – не хочется вирус подцепить, у меня маленький ребенок.

– Все свободны, – сказала Алевтина. – Сегодня продолжать съемку мы не можем. В случае гриппа введем карантин.

– Если подтвердится вирус, то все уже заразились, – пояснил Сергей Леонидович, – долго в контакте с Афанасием находились.

– Вот уж обрадовали, – пробурчал оператор.

– Обедать когда подавать? – спросила незнакомая женщина, заглядывая в гостиную.

– Всем пока! – засуетился человек с камерой и убежал, за ним последовали остальные члены съемочной группы.

– Лично у меня аппетит пропал, – вздохнула Антонина.

– Катя, что в меню? – спросил мужчина, который до сих пор тихо сидел в кресле.

– Жаркое, – отрапортовала горничная, – еще рыба с овощами. Так повариха сказала.

– Принеси еду в столовую, – распорядился человек в кресле.

– Петя, как ты можешь есть, когда Афанасию плохо? – поразилась Алевтина.

– По какой причине я должен голодать? – ехидно спросил брат.

– Фася заболел, – укорила его сестра.

– Очень жаль, – спокойно ответил Петр. – Но от того, что я лишусь обеда, Афанасию лучше не станет. Полагаю, ему нужнее сейчас антибиотики или антивирусные препараты.

– Лучше дождаться Николая, – возразил отец.

– Ты же врач, владеешь медцентром, – занервничала Тоня.

– Мы с папой психиатры. Понадобимся вам, когда окончательно с ума сойдете и начнете, как тетя Вера, рассказывать о привидениях в туалете ее квартиры, – хихикнул Петр. – Забыла, что нас дядя Коля всегда лечит? К нам с отцом обращайтесь только в случае сумасшествия.

– Замолчи, – сердито сказала сестра, – я очень переживаю, не имею шкуры носорога, как некоторые. Мои нервы на пределе.

– Гости приехали, – прозвенела колокольчиком хорошенькая девушка в бордовом платье, входя в комнату.

– Кто? – изумилась хозяйка. – Из посторонних мы ждали только Евлампию, сегодня планировали допоздна снимать клип про фитнес-центр Афанасия.

– Вот все переживают за Фаську, а он на ковре валяется, – заметил Петр, – никто из сострадательных родственников не предложил его на диван перенести.

– Если больной упал, его лучше не трогать, – с видом знатока заявила Антонина, – можно позвоночник повредить.

– Ты полностью права, – согласился отец, – на свете полно дураков, которые, ничего не понимая в медицине, бросаются помогать жертве аварии, подсовывают под голову сумку, чтобы человеку лежать было удобнее. Или, еще хлеще, переворачивают его на бок, и все! Парализован до конца дней несчастный. Если кого-то на ваших глазах сбила машина, то самое лучшее, что вы можете сделать, это вызвать «Скорую» и, грозно говоря: «Отойдите, я врач, не имею при себе необходимого, сейчас приедет бригада», отгонять тех, кто хочет напоить пострадавшего, переложить его, угостить яблочком. Отпугивая дураков, вы спасете человеку жизнь. Но Фасю можно переместить на софу. Петя, помоги мне.

Отец и брат взяли Афанасия и уложили его на большой диван.

– Сказать гостям, что вас дома нет? – напомнила о себе девушка.

– Катя, ты им что-нибудь уже говорила? – поинтересовалась Алевтина.

– Погодите пять минут в холле, узнаю, примут ли вас, – отрапортовала горничная.

Хозяйка закатила глаза, но произнести ничего не успела, потому что дочь задала вопрос:

– Посетители сказали, как их зовут?

Прислуга покачала головой.

– Не-а!

– Катя, – рассердилась старшая Кирпичникова, – как тебя учили встречать незнакомых?

– Вежливо улыбаясь, – ответила девушка.

– Дальше! – потребовала Алевтина.

– Попросить их представиться!

– И что?

– Так они имен не сообщили.

– Очень странно, пойду сам разберусь, – заметил Сергей Леонидович и вышел в коридор.

– Есть хочу, – закричал подросток, вбегая в гостиную. – Ой, чего это с ним? Дядя Фася, тебе плохо?

– Он заболел гриппом, не волнуйся, Лешик, все хорошо, – ласково произнесла Антонина, – сейчас приедет Николай, даст лекарство.

– Мам, если человеку хорошо, он не лежит с полуоткрытым ртом в гостиной, – резонно возразил сын.

– Ступай лучше в столовую, – посоветовал Петр.

– Дядя Фася умирает? – осведомился паренек.

– Господи, конечно, нет, не болтай ерунду, – попросила Алевтина.

– Бабушка, смерть – это навсегда, – торжественно объявил внук.

– Спасибо, что просветил нас, – засмеялся Петр, – а я-то, наивный, полагал: отвезут меня в крематорий, погреюсь в печке, отдохну и домой вернусь.

– Здесь Смерть, – заухал филином Алексей, – вижу ее! Слышу! В комнате стоит!

Мальчик произнес эту фразу таким тоном, что мне стало не по себе.

– Где Смерть? – начала оглядываться Антонина.

– У торшера, мама, – замогильным голосом уточнил Леша, – она движется, идет…

– Куда? – не выдержала я.

– Надеюсь, к противной соседской собаке, которая в пять утра лаять начинает, – развеселился Петр.

– Нет, она к дяде Афанасию направляется, – протянул Алексей, глядя вдаль.

– Хорош из себя экстрасенса корчить, – велел дядя, – марш в столовую.

– Иди, Лешенька, – попросила Тоня, – сегодня жаркое, надеюсь, из кролика в сметане.

– Животных есть отвратительно, – закричал подросток, – нельзя их убивать. Людоедство ужасно!

– Пойдем, дорогой, – велела Алевтина и увела внука.

– Вот уж не согласен с заявлением племянника, – возразил Петр, – некоторых граждан хорошо бы зажарить. Живьем.

– Имеешь в виду свою любовницу Лиду? – осведомилась Антонина. – Воровку, которая с твоей карточки все деньги сперла, а ты потом у папы финансовой помощи просил, ныл: «Лидка дрянь, пароль узнала».

Петр встал и молча вышел, в дверях он чуть не столкнулся с Сергеем, который сказал:

– Тоня! Приехали родители Эдуарда.

Дочь прижала руки к груди.

– Не может быть!

– Пожилая пара представилась: «Глазовы. Мы отец и мать Эдуарда». Через минуту они войдут сюда!

– Надо быстро убрать Афанасия, – занервничала Тоня. – У него жуткий вид! Кошмарный! Папа, унеси его!

– Одному мне не справиться, – сказал психиатр.

– Вдвоем ухватим и на веранду, – засуетилась Антонина. – Ну, пожалуйста! Никогда не видела семью Эдика. Наверное, он их попросил поговорить с вами! Приехали свататься. Они не москвичи. Прилетели из другого города. Эдик соблюдает традиции. Папа! Сделай что-нибудь! Нельзя их тут принимать. А в столовой Леша, он глупости начнет болтать, и Петя что-нибудь сморозит! Папа!

– И вдвоем мы не справимся, – повторил психиатр.

– Помогу вам, – предложила я. – Тоня, берите правую руку, я левую. Сергею Леонидовичу достанутся ноги.

– Отличная идея, – воскликнула Антонина. – Ну! Раз-два!

Глава 9

Когда пожилая пара вошла в комнату, мы все уже сидели живописной группой на диванах, в креслах, делая вид, что увлечены беседой.

– Добрый день! – сказала пожилая брюнетка в длинном, не по погоде теплом платье.

– Антонина? – спросил ее спутник, бесцеремонно показывая на меня пальцем.

– Евлампия, – представилась я.

Тоня встала.

– Вы родители Эдика? Очень рада!

– Включите телик! – заорал Леша, врываясь в гостиную. – Скорей! Канал семьдесят восьмой!

Вслед за внуком в комнате появилась Алевтина.

Мальчик схватил пульт, живо нашел нужную программу и увеличил звук. По комнате полетел голос диктора.

– От шквального ветра пострадали не только дома жителей Епифановки, рухнул мост, который связывает с шоссе городок, а также близлежащие села. Река Нека, через которую он перекинут, невелика, но глубока. Автомобили по воде не проедут. Сколько времени Епифановка останется в осаде, неизвестно. Вся надежда на военных строителей, которые могут за считаное время наладить понтонную переправу.

– Мост развалился? – ахнула Алевтина. – Как нам в Москву попасть?

– Никак, – усмехнулся Сергей, – интересно, успел Коля его миновать? Фася спит, но…

Хозяин замолчал.

В ту же секунду Антонина вспомнила о гостях.

– Простите, что сразу не предложила, присаживайтесь к столу, чай, кофе?

– Прекрасно, что вы наконец обратили свое царское внимание на нас, – процедил сквозь зубы мужчина.

– Мы из Маюманска прилетели не для того, чтобы трапезничать. В доме, где поощряется разврат, даже воду пить не станем. Оставьте в покое нашего Эдика, – отрезала старуха.

– В смысле? – оторопела Тоня.

– Какой вам еще смысл нужен? – скривилась бабка. – Прекрати виснуть на нашем сыне, ходить с ним в рестораны. Нелечка плачет, она беременна. Жена ждет мужа!

Тоня медленно села и положила руки на стол.

– Неле плохо, – добавил дед, – она еле-еле ходит. Тяжело с животом. Ей нужна сейчас любовь, забота Эдуарда. А он к чужой бабе пристроился. Совесть тебя не мучает?

– Судя по вашему виду, – подхватила его супруга, – по розовым щекам, толщине необхватной, рукам, напоминающим бревна, аппетит не покинул Антонину. Нелечка одна в своей квартире рыдает!

– Закон бумеранга работает, – пригрозил дед, – захотела отнять у нашей любимой Нелечки Эдика? Разрушить их брак? Семь лет в любви они жили. Сделать беременную больной от горя? Нелечка наша любимая, дочь очень богатого человека, не вам чета! Не дадим ее в обиду!

– Впервые слышу про Нелю, – прошептала Тоня, – честное слово. Я не такая. Эдик ни слова мне не сказал, что женат. Он намекал, что… ну… хочет со мной всегда… жить…

– Не верю, – торжественно заявила старуха, – Эдичка нам говорил, что сообщил тебе, хамке, о супруге, да ты прямо напала на него, соблазнила! Что с кобеля взять? Видит сучку, и вперед. Баба всегда виновата! Не следовало тебе задницей перед окольцованным Эдиком вертеть!

У Антонины затряслись губы. Мне стало жалко ее, поэтому я вступила в беседу:

– Как к вам обращаться?

Дед засверкал глазами.

– А ты вообще молчи, кулацкий подголосок. Не лезь в чужой разговор. Без подружек обойдемся.

Меня охватило возмущение. Почему Сергей Леонидович и Алевтина молчат? Отчего не защищают дочь? По какой причине не выставят противную пару за дверь? Антонина завязала отношения с женатым человеком? Но, судя по слезам, которые сейчас катятся по ставшему бледным лицу женщины, она о Неле ничего не знала.

Я встала.

– С Антониной мы сами разберемся. После вашего визита она точно парня видеть не захочет, даже не взглянет на вашего сына. Ведь так?

Я повернулась к дочери хозяев:

– Да?

Та судорожно закивала.

– Вопрос исчерпан, – сказала я, – до свидания.

– Нахалка! – топнула ногой старуха.

– Небось ты Тоньке помогала. Чтоб тебе, подружка-гадюка, никогда кусочка хлеба не съесть, – пожелал дед, – проклинаю тебя! Нехай тошнит сразу.

– Спасибо, – улыбнулась я, – давно мечтаю избавиться от пары лишних килограммов, ваши пожелания прямо мед с орехами. Обожаю булочки, кексы. Если теперь от них меня мутить станет, буду вам очень благодарна.

– А-а-а, – пропел старик, – думаешь, это шутка!

Я не успела ничего сказать, бабулька вытащила из сумочки какую-то штуку, похожую на небольшой фонарик, и взмахнула ею.

– Пусть все тут помрут, – грозно пожелал дедуля, – в корчах, мучениях. Моя жена православная белая ведьма. Сейчас тут все подохнут.

– Эй, горничная, – заорала я, – охрана, шофер, все кто есть, сюда.

Гости развернулись и споро засеменили к двери. На пороге они столкнулись с толстым парнем и горничной Катей.

– Чего случилось? – спросила последняя.

– Немедленно выгоните этих двоих из дома, – распорядилась я, – и впредь не пускайте, даже если на коленях приползут.

Старуха плюнула на пол.

– Эй, бабушка, не хамите, – попросил юноша.

Бабка опять плюнула, только на этот раз она нацелилась на ботинки толстяка. Тот схватил пожилую хулиганку и потащил в холл.

Старик, изрыгая проклятия, поспешил следом.

– Если хотите обедать, то пожалуйста, – сообщила Екатерина. – Слава богу, Леша сегодня ничего в туалет не свалил. Вот в понедельник он выступил. В секунду жаркое в унитаз спустил.

– Почему мальчик тогда уничтожил еду? – удивилась я.

Катя пожала плечами.

– Я не комментирую поведения внука хозяев. Невоспитанно это. У поварихи спросите, у Зины. Слышали, мост упал!

– Правда? – явно обрадовался смене беседы Сергей Леонидович. – Телевидение не соврало?

– Ураган деревья повалил, – ударилась в объяснения горничная, – они на шоссе попадали. Владимир Георгиевич, с десятого участка, из города ехал, перед его носом повалились. Туркин позвонил не знаю кому, он депутат, всех пнуть может. Из Макалихи приперла машина-платформа, здоровущая! На ней кран. И три танка из воинской части! Вся техника на мост выехала, а его сто лет назад построили, при Брежневе еще.

– Чтобы убрать деревья, хватило бы крана, – ожила Алевтина. – Зачем танки?

– Небось хотели депутату по самые уши угодить, – захихикала Катя, – типа, смотри, дорогой, как мы тебя любим.

– Ну, ребята, еле до вас добрался, – пробасил коренастый мужчина, входя в комнату.

– Коля, – обрадовался хозяин, – ты приехал!

– Только на вашу сторону перекатился, – стал объяснять Николай, – ба-бах. Оборачиваюсь! Два дерева сразу за машиной ухнулись. Обрадовался сначала: успел промчаться, иначе пришлось бы стоять не знаю сколько. Потом испугался, вдруг кому-то плохо в автомобиле. Схватил чемоданчик, пошел назад. А там! Два джипа охраны, мужик с депутатским значком матом орет, слюни изо рта летят в разные стороны, требует сию секунду завал убрать. Красный весь, аж бордовый. Я предложил ему давление измерить. Такое услышал! Пошел к машине, сел за руль, подбегает парень: «Помогите, хозяина тошнит». Я назад. И чего? Двести на сто двадцать у толстяка. Хорошо, у меня иньекции с собой. Сидел с ним, пока его личный врач не прикатил.

– Теперь у нас заночуешь, – перебила его Алевтина Михайловна.

– С какой радости? – изумился приятель. – К нам сегодня теща приедет. Лялька мозг мне выклюет, если я ее мамашу не встречу с поклоном.

– Так мост рухнул, неужели не видел? – спросил хозяин.

– Кто вам эту глупость сказал? – скривился Николай.

– По телевизору сообщили, – пояснил Сергей, – и Катя наша подтвердила.

– Хорошие у тебя источники информации, – засмеялся друг, – а главное, правдивые. Цела переправа! Только перила в одном месте сломаны.

– А танки? – заморгала Антонина. – Они в воду не падали?

– Танки? – повторил Николай. – Не заметил я боевых машин пехоты, баллистических ракет и батискафов. Люди! Телик и Катя вам ерунду наболтали. Фу, ну и денек. Дайте кофе. Что с Фасей? По телефону я не понял.

– У него припадок случился, – объяснила Тоня, – как эпилепсия, я испугалась, закричала, все прибежали, а брат заснул.

– Эпилепсия? – повторил Николай. – Нет ее у Фаськи!

– Температура высокая, – подсказала Алевтина.

– Грипп, возможно, – предположил Николай, – при нем иногда судороги бывают. Где больной?

Сергей Леонидович встал.

– На веранде спит.

– Сиди, – велел приятель, уходя на веранду, – ты мне не нужен. Кофе хочется.

– Сейчас велю сварить, – пообещала Алевтина и вышла.

Мы с Тоней на короткое время остались одни.

– Сережа, – крикнул через пару минут Николай, – сюда!

Хозяин быстро пошел на зов. Тоня кинулась за отцом, я следом за ней и услышала, как Николай произнес:

– Лучше сядь в кресло.

– Почему? – спросил Сергей Леонидович.

– Ну… понимаешь… собственно говоря, – забормотал Николай, – я не нужен совсем… уже…

– Уже не нужен, – тихо повторил хозяин, – ты хочешь сказать, что…

Николай сделал глубокий вдох и выдохнул.

– Exitus letalis.

– Что? – прошептала Тоня.

– Фася умер, – пояснил Николай, – простите. Мне жаль. Я не могу ничего сделать.

Глава 10

– Умер? – переспросил Макс. – Вот так просто? Вчера он выглядел совершенно здоровым.

– Сетовал на духоту, когда ему предложили кондиционер посильнее включить, он отказался. Сказал, что озноб начнется. Его уже несколько дней то в пот, то в трясучку кидало, – пробормотала я.

– На улице, несмотря на сентябрь, жарко и влажно, – нашел объяснение Костин, – мне тоже кажется, что кислорода в комнате нет. Клиент никак не походил на недужного. Я уверен, что на вскрытии найдут тромб или аневризму, ну да я не доктор.

– Алевтине стало плохо, ее уложили в кровать, – продолжала я. – Все перешли в столовую. Тоня забегала по комнате, начала есть все, что на столе было. Похоже, она из тех, кто стресс забрасывает едой. За считаные минуты слопала пироги, штук пять, несколько кусков хлеба с маслом, сыр… Еще что-то, потом ушла. Сергей Леонидович общался сначала со «Скорой», затем с полицией. Петр не ехидничал, не ерничал, был подавлен. Сказал, что в последнее время ругался со старшим братом, злился на Афанасия за глупости, которые тот нес.

– Какие? – оживился Макс.

– Например, тот сказал Петру: «Зачем ты меня в воду столкнул?» Петя несказанно удивился: «Когда?» «Неделю назад, – объявил брат, – когда мы на море ездили!» Младший брат любит подкалывать членов семьи. Он мне признался, что частенько подтрунивал над Афанасием. А тот, цитирую Петра Сергеевича: «Вообще без чувства юмора, все всерьез воспринимал».

Услышав ответ Афанасия, Петя удивился:

– На какое море? Мы же всегда только в начале октября в Италию летаем. Июль-август-сентябрь там жара нереальная.

– Хватит спорить, – рассердился Афанасий. – Думаешь, я идиот? Не помню, как мы вместе за буйки в Коктебеле заплыли?

Вот тут Петя опешил. Коктебель? Семья Кирпичниковых давно имеет собственный дом на юге Италии. Они не летают на российские курорты!

– Ты меня столкнул с палубы нашей яхты, – завел Фася.

– У нас ее нет, – возразил Петя.

– Кого? – прищурился Афанасий.

– Чего, – поправил Петя, – никто не владеет плавсредством. Хотя, прости, есть надувные матрасы.

– Из-за тебя я здорово ушибся, – не утихал Афанасий. – Понятно, что ты не хочешь извиняться!

С этими словами он ушел, в комнате появилась Антонина и задала вопрос:

– Почему ты сидишь с таким видом, словно тебя по голове пыльным мешком стукнули?

Петя передал Тоне беседу с Афанасием, сестра скорчила гримасу.

– Ты Фасю постоянно донимаешь, вот он и решил с тобой твоим же оружием бороться. Придумал ерунду и с самым честным видом выложил.

– Он так никогда не поступал, – возразил Петя.

– А теперь начал, – захихикала Антонина, – если зайца долго бить, он научится спички зажигать. Ты над Фаськой без конца подтрунивал, а он, как тот кролик, за коробок схватился.

– Зачем он нам-то небылицы плел? – изумился Костин. – Главное, так складно, все одно к одному. Я ему поверил.

– Аналогично, – кивнул Макс, – я заметил парочку нестыковок, но они вполне объяснимы. Детство Афанасия не вчера закончилось, людям свойственно часть событий забывать, часть перепутать. И он нам аванс заплатил.

– Деньги надо вернуть, – сказала я, – прямо сейчас.

– Думаю, лучше после похорон, – предложил Володя, – в семье горе. А тут мы с рублями.

– Лампуша, как полагаешь, с кем у Афанасия в семье сложились наименее теплые отношения? – спросил Макс.

– С Петром, – предположила я, – мне показалось, что младший брат недолюбливает старшего. Может, зависть.

– По идее, должно быть наоборот, – заспорил Костин? – Петя успешный человек, врач, работает вместе с отцом. Фил, я не ошибаюсь?

– Ни на грамм, – ответил наш компьютерщик, глядя в экран, – Петр Сергеевич всегда и везде первый. Одни пятерки в школе, институте, блестяще защитил кандидатскую. Сейчас заведует в центре Сергея Леонидовича педиатрическим отделением.

– Мне казалось, что у Кирпичникова психиатрическая лечебница, – удивилась я.

– Полагаешь, детей сумасшедших не бывает? – усмехнулся Филипп. – Да все подростки со съехавшей крышей. В отделение Петра принимают больных от семи до тридцати лет.

– Хороши малыши на четвертом десятке, – покачал головой Костин.

– Во-первых, его отделение называется «Педиатрическое и юного возраста», – уточнил Фил, – а во-вторых, нынче детство – период до тридцати лет, до сорока пяти юность, до семидесяти пяти зрелость. А потом…

– Кирдык котенку, – весело объявил Костин, – все ясно! Я пока лысый желторотый птенец. Что еще про Петра сказать можешь?

– Не женат, детьми не обзавелся, – продолжал Фил, – бабник. Постоянно заводит романы. В Фейсбуке у него полно баб в друзьях. Петю тянет к молодым, худым и злым. Он из категории мужиков, которым с нормальной теткой с обычными интересами: дом, работа, дети, муж, кухня, кот, поездка раз в год в Турцию – невыносимо скучно. Стерва нужна. Вот чудесные комменты к его последней фотографии из служебного кабинета. Прошу изучить снимок.

Филипп щелкнул пультом. Экран на стене продемонстрировал фото Петра в зеленом халате с принтами в виде собачек.

– Читайте, – велел наш гуру мышки и коврика.

Я уставилась на столбец текста.

Петр: Новая форма для педиатра. И как вам Айболит?

Олеся: Красавчик.

Нина: Жесть.

Игорь: Петян! Айболит обезьян лечил, не деток. На хрена он в человеческой клинике? В ветеринарке деду место!

Лена: Хорошенький! Про халатик говорю. Хочу такой. Где взял?

Олеся: Глаза открой. Человек написал: «Новая форма».

Лена: Рот закрой. Вопрос не тебе. Где такую купить, Петя?.

Олеся:…!

Лена: Деточка! Утешься. Все уже поняли, что ты из города Домработнинск.

Олеся: Я с Москвы.

Катя: С Москвы? Погибаю! Из Москвы! Из Питера! Из России! Из Франции! Зато с села Большие хрюшки.

Олеся: Тебя там видели, ты в Хрюшках первые пятьдесят лет прожила.

Катя: А-ха-ха! Точно! Вспомнила. Встретила тебя на Курском вокзале. На аватарке ты здорово получилась. Сразу узнала!

Олеся: Зачем мне на перрон?

Катя: В плацкарте от Москвы до села Большие хрюшки есть бордель для пассажиров. Вот там и встретились.

Олеся: Вау! Катюха! Тебя же выгнали! Ни один клиент не хотел, чтобы его обслуживало лысое пугало.

Нина: Эй, вы, перестаньте.

Игорь: Заткнись трендеть.

Нина: Ты кому?

Игорь: Тебе!

Нина: Мы знакомы?

Оля: Прекратите базар в аккаунте Пети. У себя гадьте. Петенька, блокируй их.

Катя: Давай, давай, еще прогнись перед ним. Думаешь, обратит внимание?

Оля: Тебя-то, шалаву, он в Сети нашел.

Катя: Еще чего соври,…!

Оля: И? У вас ничего не было?

Катя: Я замужем.

Оля: И че? Кому это мешало?

Катя: Отвали!..!

Оля: Сразу понятно, интеллиХенция московская. С пятиэтажки в районе у помойки.

Филипп снова щелкнул пультом.

– Далее лучше не изучать.

Макс пошел к кофемашине.

– Похоже, Пете нравится, когда девицы из-за него дерутся.

– И что еще интересно, – продолжал Фил, – с большей частью скандалисток он затевал отношения. «Любовь» у мачо длится, как правило, не более недели, Петя бросает красавиц, но из Фейсбука он никого не удаляет. Бывшие фаворитки накидываются на ту, которая стала пользоваться вниманием бабника. А она хамит своим предшественницам, но через пять-семь дней сама оказывается в стане «бывших» и, объединившись со своими врагами, чморит новенькую фаворитку психиатра.

Макс вернулся назад с полной чашкой кофе.

– Где он находит милых дам?

Филипп почесал нос.

– Понятия не имею. Они просто подписываются на педиатра, неожиданно появляются в его Инстаграме. Роман развивается на глазах у всех. Петя нежничает с милашкой, осыпает ее комплиментами, выставляет фото из кафе, кино. Девица тоже не требует соблюдения приватности, она – душа нараспашку, снимки чуть ли не из постели демонстрирует. Потом, упс! Прошла любовь, моль съела помидоры. Вот пример.

Экран опять посветлел.

– Три недели назад, – продолжал Филипп, – появилась Надя, далее в ленте много фото с ней со словами «муси-пуси», спустя восемь дней красотке дали отставку. Откуда ни возьмись появилась Галя, за ней Катя. Но я, правда, глубоко не копал его похождения, пороюсь еще в них.

Фил выдернул из коробки салфетку.

– Петя не мог завидовать Афанасию. У педиатра круговорот баб, он модник, каждый день в чем-то новом показывается, в его аккаунте толпа подписчиков. И он успешен в профессии. У Афанасия все иначе. Он тоже завел аккаунт в

Фейсбуке, но там почти никого нет. Фитнес-клуб не особенно популярен, даже тридцати клиентов не набралось. И, похоже, у него не было любовницы.

Макс отправился за второй порцией кофе, говоря на ходу:

– Из того, что мы сейчас слышали, стало понятно, почему Петя изводил брата. Зависть.

Филипп громко чихнул.

– Я уже объяснил. Не мог младший брат к старшему разрушительное чувство испытывать.

Вульф обернулся.

– Зависть многогранна. Знавал я одну тетеньку, она мечтала подругу со света сжить за то, что та… смертельно больна и ей все внимание оказывают, жалеют, деньги на лечение собирают. Кого мама больше любит: успешного, веселого, беспроблемного ребенка? Или алкоголика? Ответ: второго! Нет, она к первому прекрасно относится, но об убогом сердце каждый день и ночь напролет болит.

Я решила закруглить беседу:

– Сразу после похорон вернем деньги Кирпичниковым.

Глава 11

Прошло несколько дней. Я решила связаться с Сергеем Леонидовичем и спросить, как ему передать аванс, который оставил Афанасий. Мне показалось, что владелец медцентра воспримет этот звонок спокойнее, чем Алевтина Михайловна. Да, он воспитывал мальчика с рождения, но все же он ему не родной отец.

Доктор не брал трубку, я взглянула на часы, подумала, что психиатр на летучке или совершает обход, его надо побеспокоить около полудня, и отправилась в ванную. Не успела я подойти к раковине, как раздался звонок домофона.

Я поспешила к двери, не посмотрела на экран и распахнула ее со словами:

– Кто-то повел Кису в школу и забыл ключи!

Но вместо ожидаемой няни Розы Леопольдовны на пороге возник Сергей Леонидович.

– Как вы сюда попали? – от неожиданности спросила я.

– Поднялся на лифте, – ответил гость. – Можно войти?

Я опомнилась.

– Пожалуйста, извините, вы застали меня в халате. Я никого не ждала. Откуда вам известен наш домашний адрес?

– Ну, это не проблема, – ушел от прямого ответа психиатр, – мне нужна ваша помощь. В офис не хотел ехать. Там глаз много. И ушей. И языков.

– Сотрудники агентства не болтливы, – возразила я, – и мы с мужем клиентов принимаем только в служебном кабинете.

– Сделайте один раз исключение, – попросил незваный гость. – Если хотите переодеться, я подожду.

Я живо сбегала в спальню, вернулась в столовую и вспомнила о гостеприимстве.

– Чай? Кофе?

– Спасибо. Нет необходимости, – отказался Кирпичников. – У нас новая беда. Заболела Тоня. Легла вскоре после вашего ухода на диван, заснула и не проснулась.

– Умерла? – ахнула я.

– Нет. Сейчас в реанимации, – пояснил отец, – в состоянии крайней тяжести. Ждем результатов анализов. Тогда, возможно, появится ясность: что с дочерью. Пришли результаты вскрытия Афанасия. Ничего не нашли. Инсульт, инфаркт исключены. Небольшие сосудистые изменения, соответствующие возрасту, но от них на тот свет не уходят.

– И какова причина смерти? – не поняла я.

– Под вопросом отравление, – пояснил гость.

– Под вопросом? – повторила я.

– Сделали токсикологию, ни один известный яд не обнаружен, – объяснил Сергей Леонидович, – но анализ крови у Афанасия невероятный, невозможный. Все наперекосяк! Все не так! Цифры запредельные. Лично я ни разу не видел человека с такими результатами. Странно, что он ходил, выглядел нормально. Сейчас все анализы еще раз переделывают, проверяют, может, в лаборатории ошиблись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/korrida-na-razdevanie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить